

Нариманов Нариман Наджаф оглы

Статьи и письма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Н28

Н28 **Нариман Наджаф оглы Н.**
Статьи и письма / Нариманов Нариман Наджаф оглы – М.: Книга по Требованию, 2023. –
42 с.

ISBN 978-5-519-98664-9

ISBN 978-5-519-98664-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Ограничившись кратким изображением схемы жизненного пути тов. Нариманова, я счел необходимым, хотя бы также кратко, высказаться и по тем общим вопросам, которые стояли перед тов. Наримановым и стоят перед всеми теми, чья общественно-политическая работа имеет или будет иметь в ближайшее время своей ареной мусульманскую действительность Востока.

Ужасающая темнота народных масс, фанатизируемых такими же темными, невежественными муллами, зарождающийся процесс капиталистического накопления (торговый капитал, мануфактура), процесс пролетаризации ремесленника и кустаря (отделение их от средств производства) под гнетом империалистической индустриальной конкуренции, безземелье многомиллионных крестьянских масс (перенаселение), политическая и общественная деспотия феодальной аристократии, ориентирующейся вместе с высшим духовенством на империалистический Запад, полное бесправие женщин и т. д., и т. д.—вот в общем мазке социально-политическая картина, которая открывается перед умственным взором при слове «мусульманский Восток».

После того, как я уже написал приводимую ниже краткую биографию тов. Н. Нариманова, мне доставили два документа: статью «Довольно себя позорить», помещенную им в газете «Астраханский Край» в 1909 г. во время отбытия ссылки (статья относится к нашумевшему в свое время инциденту, имевшему место в г. Баку и связанному с именем б. бакинского миллионера Гаджи Тагиева *) и письмо, писанное тов. Наримановым в 1919 г. из Астрахани же к главе Азербейджанского Мусаватского Правительства г. Усуббекову *).

*) См. стр. 33 и 37.

Проследив в биографическом очерке ход развития в тов. Нариманове общественно-политического деятеля, сопоставив и связав это развитие с общим ходом развития общественно-политических, революционных движений в России того времени, как в центре, так и на окраинах, я, не зная еще эти статьи и письма тов. Нариманова, сделал, как оказывается, правильное заключение о политической сущности инцидента, происшедшего между тов. Наримановым и Г. Тагиевым на учительском съезде в Баку в 1906 г.

«Я,—говорит в указанной статье тов. Нариманов,—15 лет работавший на народной ниве, отдавший лучшие свои молодые силы распространению просвещения в Баку, был оскорблен, унижен всесильным Гаджи (Тагиевым) за то, что имел дерзость противоречить ему в вопросе, касающемся не каких-нибудь семейных дразг, а целого народа, его воспитания и духовного развития. Борьба между мною—бедным студентом и Гаджи-миллионером была идейная».

Для надлежащей оценки общественно-политической роли тов. Нариманова в жизни Азербейджанских тюрок и мусульман других областей бывшей царской России, среди других работ тов. Нариманова цитированная статья особенно характерна. Прежде всего, статья относится (1909 год) к периоду полного расцвета реакции в России после революции 1905—6 г.г. Далее, она написана интеллигентом-мусульманином, на коего давила вся толща мусульманской косности, и писалась при этом во время отбытия политической ссылки. Мы знаем и отлично помним эту кошмарную обстановку и должны выразить самое искреннее изумление по поводу решительности и принципиальной отчетливости этого памфлета. Нам хочется обратить особенное внимание на конец этой статейки, обращенной к так называемой мусульманской интеллигенции: «Это и доказывает, насколько вы, сознательная часть мусульман, мало подготовлены к общественной деятельности, мало изучили духовный мир того народа, в защиту которого вы иногда выступаете. Это, наконец, указывает на то, что вы, нищие духом, нетвердые убеждением, никогда не можете быть искренними выразителями народного голоса, устойчивыми борцами в общественной жизни».

Теперь, оглядываясь назад и вспоминая позорную позицию, которую, перед лицом Октябрьской революции, заняла мусульманская интеллигенция, даже трудовая, цитированные строки представляются буквально пророчеством. До такой степени ясно рисовал себе тов. Нариманов еще в 1909 г., как общественную ситуацию Закавказья, так и ничтожный удельный вес мусульманской интеллигенции.

Громадные пространства Востока, населенные сотнями миллионов мусульман, ждут своих организаторов-общественников—революционеров, и в данное время представляют из себя не больше, если не меньше того, что полтора десятка лет тому назад представляло собой мусульманское Закавказье, с той, однако, существенной разницей, что, во-первых, впереди восточной бедноты стоят крепнущие с каждым днем партии Коминтерна, т.-е. организованные в компартии передовые, лучшие силы восточной бедноты, и, во-вторых, с той еще разницей, что вместо царского жандарма б. России, ныне Восток имеет культурнейшее соседство в лице Союза Советских Социалистических Республик (СССР). Поэтому изучение и популяризация путей, коими шел тов. Нариманов, отражавший в своей работе подлинное развитие революционной общественности мусульманского Закавказья, несомненно должно иметь руководящее и воспитательное значение для подрастающих поколений общественно-политических работников Востока.

Небезынтересным представляется нам сопоставить содержание и смысл цитированной выше статьи тов. Нариманова с письмом, писанным им из Астрахани в 1919 г. (10 лет спустя) к главе Азербейджанского Мусаватского правительства г. Усуббекову (см. ниже полный текст письма).

Сравнивая эти два документа, мы видим, с какой настойчивой последовательностью, с каким ясным учетом не только настоящего, но и перспектив будущего, на протяжении десятка лет, тов. Нариманов работает и борется в одном и том же направлении, развивая и уточняя, по ходу общего развития, содержание своей работы и цели, к которым он стремится. В 1919 г. тов. Нариманов пишет г. Усуббекову по поводу более значительных общественных интересов и по принципиально иному поводу и основанию, но прямолинейность во взглядах и правильный учет реаль-

ной действительности и исторических перспектив и тут характеризуют общественную личность тов. Нариманова. И адресат, Г. Усуббеков, это плоть от плоти той самой «руководящей интеллигенции», к которой обращены горькие слова заключительного абзаца статьи тов. Нариманова, выше нами цитированные. Как мы знаем, история скоро блестяще оправдала как письмо, так и статью, обращенные тов. Наримановым к тем, кто осмеливался «выступать», якобы, в защиту бедноты и кто на это права не имел.

Между тем, невежество, отсталость и косность мусульманских народных масс, забитое положение женщины-мусульманки, буржуазная и феодальная деспотия и «руководящая интеллигенция», имеющая наглость «выступать в защиту бедных братьев» и которую необходимо разоблачить на примерах закавказской и, отчасти, горской, мусульманской «интеллигенции», религиозные прежитки, отсутствие даже такой простой вещи, как санитарно-врачебная помощь, заменяемая диким знахарством, вот элементарный с нашей, Советской точки зрения, но тягчайший в условиях восточной действительности фронт общественной работы и политической борьбы, на котором протекала 30-летняя деятельность тов. Нариманова и который открывается перед каждым, кто вступает на этот путь. *Поэтому над представляется, что наряду с глубочайшим изучением марксизма и ленинизма, немаловажное значение для восточных работников и восточных трудовых масс имеет возможно полное и широкое ознакомление с тем, как такие работники и борцы, как тов. Нариманов, которых, кстати сказать, Восток имеет весьма немного, искали, нащупывали, находили и достигали общественно-политических целей, какими средствами и путями вели они к их достижению.* Тщательно просмотреть весь их тяжелый путь, согласиться с тем, что было правильно, разобраться в том, что было ошибочно, поискать причин этих ошибок, раз'яснить их и предостеречь от них—вот та, весьма важная работа, которая должна быть проделана в ближайшее время.

Когда К. Маркс говорил (письмо к Кугельману от 29 декабря 1869 г.) о том, что английские рабочие должны добиваться свободы Ирландии, он имел в виду в качестве руководящего стимула для рабочих не сострадание к Ирландии, а непосредственные интересы

самых английских рабочих, которые, как это нам теперь ясно, не могут освободиться, не освободив Ирландии.

Интернациональный пролетариат, по нашему глубокому убеждению, не иначе может освободиться, как одновременно или предварительно освободив колонии и полуколонии от гнета империалистического капитала, а в колониях и полуколониях содействуя решительному освобождению угнетенных масс трудящихся от домашних эксплуататоров. И мы думаем при этом, что популяризация среди трудящихся масс Востока обстоятельств жизни и деятельности выдающихся деятелей Востока есть одно из средств пробуждения в восточных массах самосознания (национального и классового) и что значения этого средства преуменьшать не следует, ибо мы констатируем, что даже в классовой борьбе европейского индустриального пролетариата, по существу своему совершенно чуждого мистики и метафизики личностей, известное значение личности вождей нами не отрицается. Тридцать лет честной, открытой, идейной работы и борьбы за интересы восточной бедноты, которые мы ныне зачисляем в актив тов. Н. Нариманова—капитал, редкий на Востоке, почему в особенности об этом нужно писать и говорить в наши дни подготовки и накопления сил и опыта к грядущим схваткам.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик, тов. Нариман Нариманов—учитель, врач, литератор, один из виднейших политических и общественных деятелей мусульманского Востока, происходит из бедной тюркской семьи Закавказья.

Родился Н. Нариманов в 1870 г. в Тифлисе; первые годы—детство и отрочество его прошли под крылышком матери—бедной женщины, которая, будучи мусульманкой, не имея образования, обнаружила, однако, столько тяги к культуре, что решилась расстаться с маленьким Нариманом и поместила его в учительскую семинарию в г. Гори, Тифлисской губ.

Вступив в необычную для него пансионскую обстановку сурового семинарского режима, молодой Нариман с жадностью «грызет гранит науки». Одаренный пылким воображением, он

увлекается литературой и нужно заметить, что особенно его увлекла русская литература. Гоголь, Достоевский, Толстой, Лермонтов становятся его любимыми писателями. Их произведения и настроения кладут печать на развитие душевных сил молодого Наримана Нариманова; они, эти лучшие русские писатели, закладывают в нем первые прочные основы русской культуры, которая впоследствии и на политическом поприще обусловила то, что тов. Нариманов, борясь с царскими душителями, по существу своей работы всегда ориентировался на культурные течения и движения именно русские.

Из первых сильных политических впечатлений, надолго приковавших к себе чуткий ум молодого Наримана, необходимо отметить убийство Александра II.

Вспоминая об этом событии, тов. Нариманов всегда отмечает огромное внутреннее брожение, которое было вызвано в нем этим чрезвычайным для того времени известием об убийстве царя, неограниченного властелина, капризу коего было рабски послушно все население одной из величайших стран в мире.

Впечатлительность и склонность к анализу и обобщениям юноши Нариманова нашли свое выражение еще в стенах семинарии, в его первых литературных опытах. Здесь им написаны, между прочим, первые два акта драмы «Наданлык» (невежество). Эта, начатая им в семинарии и законченная уже в бытность учителем в селе Гизиль-Аджану Тифлисской губ., пьеса рисует грустную картину культурной отсталости тюркского крестьянства и является ярким свидетельством того, какой чуткий общественник и борец с невежеством—этим величайшим бичем мусульманского Востока—растет в молодом Нариманове, впервые на тяжком посту учителя-мусульманина того времени столкнувшимся лицом к лицу с темнотой тюркского крестьянства Закавказья. Но окружающая действительность ужасала не одним невежеством забитого крестьянства. Дикий разгул, беззаконие, открытый произвол царских чиновников давил кошмарной мерзостью и цинизмом. Молодой учитель, тов. Нариманов, переводит «Ревизора» Гоголя. Кто знает обстановку 80-х и начала 90-х годов на Кавказе, тот поймет, что появление на языке забитого, лишенного самой элементарной защиты закона (хотя бы и царского), мусульманского крестьянства Закавказья, комедии Гоголя—

было в те дни делом чрезвычайным, можно сказать, историческим, а для автора перевода—весьма рискованным. В деле пробуждения мусульманских масс Закавказья, совершенно лишенных не только переводной, но и оригинальной литературы—появление в переводе «Ревизора»—сыграло крупнейшую роль; с этого же момента и тов. Нариманов в глазах населения занимает определенную общественную позицию—борца за права народа, честного общественника-культурника.

С самых первых шагов своей общественной работы тов. Нариманов становится и политическим работником. Все его начинания имеют, наряду с общественно-культурной, непременно и политическую окраску. Как бы предвидя будущие интернациональные перспективы, тов. Нариманов тогда же завязывает корреспондентские сношения с прогрессивными газетами Турции и Индии (особо заслуживает быть упомянутой газета Калькутская: «Хяблуд-Матин»). Помещая в этих газетах статьи преимущественно публицистического характера, т. Нариманов не только завязывал связи, но и извлекал из этой своей работы непосредственные практические результаты.

Дело в том, что в начале 90-х годов тов. Нариманов был приглашен учительствовать в одну частную прогимназию в г. Баку. Здесь тов. Нариманов быстро развивает широкую просветительную работу. Личным трудом и инициативой он основывает в Баку библиотеку-читальню для мусульман. Книг своих, тюркских, не было. Вот тут-то и помогли его журнальные связи с Турцией и Индией, откуда он стал для библиотеки получать книги на восточных языках.

Нужно заметить, что этот именно период жизни тов. Нариманова является началом его широкой общественной, культурно-просветительной работы в Закавказье. Основанная им в Баку библиотека-читальня быстро становится культурным уголком всего Закавказья. Так, с самого начала своей общественной работы, тов. Нариманов обнаруживает способность правильно наметить пути своей деятельности. В этот, поистине кипучий период своей жизни, тов. Нариманов работает буквально день и ночь: составляет и переводит учебники для тюркских школ, пишет драмы, статьи для газет, повести и т. п.

«Грамматика тюркского языка», «Самоучитель тюркского языка для русских и русского для тюрок»—эта проделанная им научно-педагогическая работа характеризует в т. Нариманове не только учителя-культурника вообще, но и культурника, заложившего первые основы реальной, братской связи культур тюркской и русской; те основы, *которые в наши, пооктябрьские дни, значительно облегчают подлинную культурную связь, которая в условиях советской действительности устанавливается и укрепляется в Азербейджане между трудящимися русской и тюркской наций.* Здесь хочется еще раз отметить, что, ненавидя всеми силами царский гнет и царских душителей, тов. Нариманов уже тогда, в 80-х и 90-х годах прошлого столетия, отчетливо различал русских—империалистов и русских—носителей одной из величайших культур.

Из литературных трудов тов. Нариманова к этому времени относятся :«Наданлык» (невежество), «Длин беласи» (беда от языка), «Надир Шах» (историческая драма, долгое время остававшаяся под запретом цензуры), «Бегадур и Сона» (роман), «Ревизор» (перевод с русского).

К этому же периоду относятся и труды тов. Нариманова по созданию мусульманского театра, а также его активное сотрудничество в «Тарджумане» (переводчик), издававшемся в Бахчисарае на русском и тюркском языках.

Однако, широко развившаяся общественная работа скоро показала тов. Нариманову скудость и недостаточность научного багажа, вынесенного им из Горийской учительской семинарии. И вот, спустя 10 лет практической работы, он вступает в студенческие ряды Одесского (Новороссийского) университета по медицинскому факультету. Выбор именно медицинского факультета, конечно, был не случаен. Впереди ему рисовалась не только клиническая работа врача, но перспектива санитарной пропаганды в массах, борьба с знахарством, что в мусульманской обстановке равносильно борьбе с культом, граничащим с религиозным мошенничеством, так как наиболее распространенным методом лечения у мусульманских знахарей (по преимуществу, это те же муллы), является от всех болезней, даже от холеры, чумы, язвы и т. п. питье, вода, в которую кладется бумажка, на которой мулла пишет разные заклинания и молитвы. Далее, не трудно догадаться, что

выбор медицинского факультета внешне знаменовал те начавшиеся в нем внутренние сдвиги идеологического характера, которые не могли в нем не произойти в условиях общественной работы, протекавшей в последнее время в Баку, этом крупнейшем капиталистическом центре, где резче, чем где-либо в тогдашней России, били в глаза ужасающее имущественное неравенство, обогащение одних за счет других и т. п. социальные явления и процессы. «Проклятые вопросы» требовали ответов; их не было; и вот тов. Нариманов бросается изучать естественные науки, «сжигает все, чему поклонялся». Это был поворотный момент в жизни тов. Нариманова, это был его отход от идеалистического культурничества к материализму. Здесь уже лежит зародыш его будущего разрыва с теми общественными группами—буржуазной и феодальной мусульманской интеллигенцией, с которыми ему пришлось сотрудничать первые 10 лет общественной деятельности. Но ведь раз сама, казавшаяся единой, общественность стала раскалываться, не мог не отколоться и тов. Нариманов.

1902 год—год поступления тов. Нариманова в университет. Наступившие вскоре дни первой революции (1905 г.) выдвигают его в ряды передового студенчества; его избирают в старосты, он руководит студенческими забастовками и т. д.

В 1906 г., когда университеты бездействовали, тов. Нариманов снова возвращается в Баку. Здесь он работает в газетах «Иршад» и «Геят»; вспомнить его «Пятничные беседы» и «Недельные уроки» (под заглавием шли серии его статей в указанных газетах).

Для иллюстрации мысли, высказанной выше по поводу стимулов поступления тов. Нариманова на медицинский факультет, небезынтересно привести один характерный эпизод, относящийся к этому времени.

Собравшийся в 1906 г. в Баку съезд мусульманских учителей избрал своим вторым председателем тов. Нариманова (первым председателем был избран публицист-националист, ныне покойный, Гасан-бек-Меликов). На одном из заседаний съезда стоял вопрос о национальном самоопределении; председательствовал тов. Нариманов.

Съезд почти единогласно принял предложение тов. Нариманова. Это постановление съезда показалось для Меликова черес-

чур революционным и чтобы «смягчить» это впечатление, он на другой день приглашает на с'езд «всемогущего» тогда миллионера Г. З. А. Тагиева.

Тагиев сказал: «Вчерашнее ваше решение указывает на то, что с'ездом руководят недальновидные люди, вроде Нариманова. Вы знаете, кто такой Нариманов? Он в кармане не имеет ни одной копейки, учится на мой счет, а тут смеет произносить революционные речи и вводить вас в заблуждение. Я прошу отменить вчерашнее решение, так как оно бросает тень на всю нацию перед правительством».

С'езд молчит, волнуется, все взоры устремлены в сторону тов. Нариманова, в недоумении, что он ответит этому миллионеру, от которого зависит его судьба.

При гробовом молчании тов. Нариманов берет слово и говорит: «Товарищи, в числе других степендиатов Г. Тагиева нахожусь и я, но я не знал, что Г. Тагиев помогает бедным учащимся для того, чтобы они не имели своего мнения. Если до сих пор Г. Тагиев помогал студентам для того, чтобы жить только мнением Г. Тагиева, то, во всяком случае, я не могу свое прошлое и настоящее омрачить позором: молчать там, где нужно кричать. Никому я не давал права и не позволю за презренный металл заставить меня молчать в то время, когда другие не только открыто говорят, но проливают свою кровь за освобождение от царского гнета. Перед всем с'ездом я с радостью отказываюсь от стипендии Г. Тагиева, чтобы быть свободным от тиранов нашего времени и чтобы потомки наши не продавали себя за презренное золото».

Не трудно понять, что перед всесильным тогда Тагиевым стоял не вчерашний одиночка-интеллигент, «герой толпы». Нет, перед миллионером Тагиевым стоял сформировавшийся организатор трудовых масс, а не культурник-идеалист. Перед Тагиевым стоял революционер, который не хочет больше разговаривать с эксплуататорами, а предпочитает разговаривать с рабочими фабрик и заводов господ Тагиевых.

И, действительно, к этому времени относится зарождение персидской с.-д. рабочей партии «Ичтмаюн-Амиюн», известной своей активной революционной работой в Персии, одним из основателей и руководителей коей был тов. Нариманов. К этому